

Мыслитель не говорит ничего нового.
Он несколько по-иному расставляет акценты.

Законы природы обязательны для всех. Независимо от того, знаете вы закон тяготения или нет, поскользнувшись, вы падаете. Последнее обстоятельство известно давно, задолго до того, как оно получило надлежащую интерпретацию в форме закона тяготения Ньютона.

В этом трактате речь пойдет о духовном росте человека. Закон духовного роста играет в жизни человечества не меньшую роль, чем закон тяготения, хотя часто его проявления рассматриваются как случайности или как следствия совершенно других законов. Автор, однако, не ставил себе задачи рассмотрения данного закона как такового; его цель несколько иная. Главной темой трактата являются знаки, появляющиеся на духовном пути человека, как положительные, свидетельствующие о духовном росте, так и отрицательные, знаки падения (о последнем, впрочем, можно говорить лишь условно).

Актуальность

Свами Вивекананда в своей "Практической Веданте" пишет, что религия должна быть практичной, то есть доступной в качестве руководства в повседневной жизни. К сожалению, философия, религия и этика европейской школы отнюдь не ставят себе подобных задач. Утверждения типа "Ну, это уже философия" и "Все это очень хорошо, но у жизни свои законы" можно услышать от людей с развитым абстрактным мышлением и вполне моральных с любой точки зрения.

С другой стороны, имеется несколько "вечных" тем и проблем (любовь, смысл жизни, взаимопонимание и т. д.), которые возникают в обыденной жизни и порой очень сильно отравляют эту самую жизнь. Однако только очень молодые и наивные личности пишут о своих трудностях в газету в надежде, что ученые и специалисты научат их, как поступать. Обычно за советом обращаются к лицам, умудренным жизненным опытом, и эти последние действительно дают совет. Он основан на богатом опыте и грамотен в смысле Д. Карнеги, то есть учитывает то обстоятельство, что никого перевоспитать или убедить в чем-либо нельзя, и надо не злиться и ругаться, а улыбаться и льстить. Маленькая неприятность заключается в том, что, последовав подобным советам, можно действительно решить данную конкретную проблему, но она вскоре вернется в еще, быть может, менее приятном виде.

Что же до дипломированных специалистов - философов, социологов, психологов, психотерапевтов, писателей, то они, как правило, выскажут несколько известных со школьных времен истин, слегка пожурят, что нужно быть добрее (а как?) и больше любить людей вообще (за что, собственно?) и близких в частности (тебе бы таких близких, небось не то бы запел!), и добавят в заключение: "А впрочем, в таких делах рецептов нет, делайте как знаете, Бог (или коллектив) вам судья".

Получается, что философия, религия, этика суть вещи, может быть, достойные сами по себе, но к жизни неприменимые. Есть, однако, надежда, что это не так, а просто не хватает промежуточного звена между теорией и практикой, и в таком случае его надо искать. Автор полагает, что дело именно в этом: религий, философий и этических систем имеется вполне достаточное количество, но слишком мало внимания уделяется вопросам интерпретации, то есть тому, как высшие законы Бытия преломляются в обыденной жизни и каким образом они воздействуют на мир и индивидуальное и общественное сознание и подсознание. Об этом и пойдет речь в трактате.

Стимулы и цели

Главным стимулом создания этого трактата было желание автора разобраться в собственных мыслях. Для этого показалось полезным (если не необходимым) их записать. Однако как только возник текст, сразу появился идеальный образ Читателя, который стал накладывать на текст определенные ограничения, в результате чего окончательный вариант трактата явился итогом совместного творчества автора и Читателя. По ходу дела у Читателя выявились определенные черты личности и уровень познаний. Оказалось, что его давно волнуют общие проблемы бытия: цель и смысл жизни, мораль, религия, философия; он читал кое-что из западной философии, кое-что из восточной, слышал о карме и перевоплощениях. У него есть смутное ощущение осмысленности личной судьбы, которое он не может выразить словами. По всем интересующим его вопросам Читатель, как говорят англичане, держит ум открытым, то есть не отвергает новую для него точку зрения только потому, что она не совпадает с ему известными или даже противоречит им. Инстинктивно он объективный идеалист, то есть верит в существование объективного высшего начала, которое, впрочем, плохо себе представляет; вместе с тем порою ощущает себя как микрокосм, Вселенную в миниатюре.

По поводу содержания трактата автор должен сказать следующее. Он ни в коем случае не имеет в виду, что мысли, изложенные здесь, единственно верные. И уж меньше всего он хочет Читателя в чем-то убедить. Цель автора совершенно иная: некоторые наблюдения и мысли *предложить вниманию* Читателя. И если последний внимательно прочтет эти глубокомысленные страницы, цель автора будет полностью достигнута.

Философия Веданты

Настоящий трактат написан в духе философии Веданты и в какой-то мере является ее продолжением. Не ставя себе задачи изложения этой великой философии, автор по личной просьбе Читателя все же скажет по ее поводу несколько слов.

Основная роль в трактате отводится закону кармы. Каждый человек имеет бессмертную душу, которая, подчиняясь этому закону, перевоплощается, меняя физические оболочки (тела), и постепенно поднимается навстречу Абсолюту, частью которого когда-то была, и в конце концов сливается с ним. Это и есть карма (религиозная судьба); наша (земная) интерпретация этого процесса называется духовным ростом. При этом надо иметь в виду следующее.

Во-первых, путей духовного роста (путей достижения) много. Йога среди главных путей рассматривает бхакти-йогу (богопочитание), джнани-йогу (познание мира), карма-йогу (труд без привязанности к результатам), раджа-йогу (концентрация), тантра-йогу (непосредственно-чувственное познание). Различные пути йоги, будучи относительно автономными, не исключают друг друга.

Во-вторых, на пути духовного роста человек обязательно должен проявлять свободу воли. Этот путь не предопределен; имеется лишь, так сказать, общее направление пути, а конкретную траекторию человек выбирает сам (хотя часто неосознанно). Однако чем выше духовный уровень, тем более определенным становится направление дальнейшего духовного пути (внешние ограничения становятся более жесткими) и тем труднее по нему идти.

В третьих, наказание за отступление от кармы (проявляющееся в ее отягощении) носит не личный характер, поскольку закон кармы - проявление безличного Абсолюта; другими

словами, закон кармы следует рассматривать как закон природы, а не как действие личного антропоморфного Бога. Отступление от кармы, снижение духовного уровня обычно *выражаются* в поступках, характеризуемых как дурные (для данного человека), но отнюдь к ним не сводятся. (Например, снижение духовного уровня у И. Обломова не сопровождалось никакими поступками в общепринятом смысле.) И соответственно наказание следует не за дурные поступки, а за снижение духовного уровня по сравнению с предусмотренным кармой.

Закон кармы также называют законом причин и следствий. Он связывает личные кармы различных людей друг с другом и с судьбой мира, определяя общую схему его развития. Конкретная судьба мира определяется законом кармы и личной свободой воли всех участников мирового процесса.

Этическое учение Веданты основано на понятии дхармы (личной этики). Оно утверждает: этично для человека *то*, что в данный момент ведет к его духовному росту.

Обзор содержания

Разделение трактата на главы в значительной мере условно и (со скрипом) произведено автором исключительно по просьбе Читателя. При этом главная тема трактата - знаки на духовном пути человека - не всегда выражена прямо, но автор помнит о ней постоянно. Здесь же автор считает необходимым подчеркнуть, что признаки духовного роста, о которых речь пойдет ниже, являются именно *признаками*, а не целью духовного развития; они появляются *сами по себе*, свидетельствуя о правильности выбранного пути. Попытка поставить их в качестве цели обязательно ведет к отягощению кармы.

Основной тезис первой главы трактата заключается в том, что *большая* часть духовных проблем человечества суть проявления одного универсального желания: понять и почувствовать единство мира. Вторая глава посвящена проблеме свободы воли и утверждает, что творчество есть одно из ее проявлений; с этой точки зрения изучается процесс творчества. Эта глава является концептуально важнейшей. В третьей главе рассматривается проблема добра и зла на основе теории эстетического выбора, построенной во второй главе. Четвертая глава посвящена основному средству общения человека с Богом (и сатаной) - внутренним голосам. Пятая глава посвящена изменению образа жизни человека в процессе духовного роста. В шестой главе рассматриваются различные типы познания. И, наконец, в седьмой главе автор высказывается по поводу проблемы взаимоотношений человека и Бога.

Глава 1. Единство мира

С того самого момента, как человек осознал себя, то есть отделил себя от мира, он стремится найти в этом мире свое место и опять включить себя в этот мир. Чтобы это сделать, ему нужно постичь единство мира. Проблема познания подробно рассмотрена в шестой главе; здесь же автор ограничится несколькими вводными замечаниями.

Научное познание и единство мира

Сама идея возможности познания мира человеком предполагает, что есть определенная одинаковость в природе, благодаря чему наше ограниченное по своим возможностям сознание может постичь небольшое количество основных законов, организующих мир. Цель науки - найти полную систему таких законов, в которой бы любой другой закон

являлся их логическим следствием. (Вера в существование такой системы, а в идеале - одного закона, познаваемой, если не целиком, то частями, составляет основу позитивизма.) Поэтому ученые-профессионалы всегда ищут общий взгляд на возможно более широкий круг явлений, стремясь по возможности сократить число основных законов. Так, А. Эйнштейн значительную часть жизни посвятил попыткам построения общей теории поля, описывающей с единой точки зрения все типы физических взаимодействий.

К сожалению для позитивистов, реально складывающаяся ситуация выглядит как раз наоборот: по мере более внимательного изучения действительности глобальные законы начинают нарушаться, модифицируясь по-своему в каждой подобласти, а попытки "склеивания" локальных законов в глобальные терпят неудачу. А справедливые глобальные законы обладают печально известным свойством, выраженным фразой: "Эта теория настолько всеобща, что никакое ее частное применение невозможно". Другими словами, глобальные законы становятся настолько расплывчатыми, что перестают хоть как-то ограничивать множество потенциально возможных явлений, в чем, собственно, и заключается суть любого закона: он среди всех мыслимых (потенциально допустимых) возможностей выделяет узкий класс тех, которые фактически могут реализоваться. Поэтому надежда на существование полной системы глобальных законов пропадает.

И тот факт, что, несмотря на это общеизвестное обстоятельство, люди продолжают с энтузиазмом заниматься наукой, свидетельствует о чисто мистическом подсознательном ощущении, что единый, настоящий и полный Закон природы существует и его открытие очень важно, и притом не только для общества, а для данной конкретной личности. Как обычно, ощущение правильно, ошибочна интерпретация; вызывается же это ощущение как раз единством мира.

Чувственное познание и единство мира

Ум, создавая модели действительности и реализуя тем самым принцип "экономии мышления", в то же время отгораживает нас от этой самой действительности. Есть, однако, путь познания, заключающийся в выключении ума и непосредственной настройке всех органов чувств на объект. Мы, забывая о себе, погружаемся в ландшафт, настраиваемся на собеседника и т. п. И всегда по достижении определенной степени концентрации возникает один и тот же эффект: мы начинаем воспринимать объект как единое целое и включаем его в себя; детали пропадают, но информация, которую они доставляли, не исчезает, а лишь определенным образом трансформируется. Пока этого не случится, человек испытывает неудобство, беспокойство, чувство "непонимания", невосприятости. Таким образом, воспринимать по-настоящему можно только *целостный* объект, так что, когда мы стремимся воспринять мир в целом, нам *необходимо*, чтобы он был единым. Именно это ощущение (обычно подсознательное) ведет к постоянным попыткам преодолеть видимые противоречия мира, то есть как раз те моменты, которые мешают видеть его как единое целое.

Прежде всего это всевозможные двойственности: свобода и необходимость, добро и зло, гармония и дисгармония, объект и субъект, любовь и ненависть, Бог и человек. Пока мы не снимем эти противоречия, нет надежды познания мира.

Искусство

Всякая гармония есть проявление единства мира. Поэтому искусство можно определить как специфическую попытку выразить единство мира определенными средствами

(стихами, красками и т. д.). Все попытки формализации эстетики терпят провал именно потому, что для того чтобы понять искусство, следует прежде понять единство мира, и никак не меньше.

Глава 2. Свобода воли и творчество

Откровение

Всякое *понимание* является результатом откровения. "Усек", "дошло" - слова, которыми человек выражает то обстоятельство, что он только что общался с Богом. Принято думать, что откровения, прозрения и тому подобные состояния свойственны немногим выдающимся личностям, в то время как разница между ними и остальными людьми лишь количественная, а никак не качественная. Человек, который после изрядного труда понимает фразу на иностранном языке (или на родном), испытывает те же чувства, что и поэт, который наконец находит строчку; отличие заключается лишь в интенсивности переживаний.

Распространено мнение, что высшие достижения человеческого ума и искусства создаются "с Божьей помощью" или даже "продиктованы сверху", как сейчас принято говорить. Однако это же относится и к любой мысли любого человека, и к любому стихотворению последнего графомана - качественной разницы здесь тоже нет. Естественное возражение: существуют же неверные и даже глупые мысли и никуда не годные стихи. В ответ автор мог бы сослаться на дух концепции Веданты (глупость есть низшая степень ума, зло - низшая степень добра и т. п.), но суть в том, что субъективные ощущения бездарного поэта и дурака в момент творчества (например, создания стихотворной строчки или самостоятельной мысли) не отличаются от соответствующих ощущений их более способных собратьев. Здесь автор подчеркивает, что понимание не то что "глубинного" смысла текста, но даже и просто любой фразы требует мистического откровения, хотя бы и небольшого.

Теперь на тему о том, можно ли править рукописи. Представление о творчестве как откровении противоречит концепции свободы воли. Откровение приходит, когда мы направляем свое внимание на определенное место в тонком мире. Получая оттуда ответ (в виде откровения) и видя, что он нас не вполне устраивает, мы корректируем вопрос, соответствующим образом изменяя направление внимания, получаем следующее откровение и т. д. Человек талантливый тем и отличается, что умеет, получив ответ-откровение, понять, что именно в его вопросе было не так, и после этого скорректировать его в должном направлении (а также порой изменить интерпретацию ответа). Проблема плохих стихов и глупых мыслей заключается, следовательно, не в том, что строчки или мысли плохие, а в том, что автор интерпретирует их как ответ на один вопрос, в то время как в действительности вопрос был совсем другим. Мало кто умеет задавать *ясные* вопросы, а уж вопросы Богу тем более, благо, Он и так (по идее) все понимает; так стоит ли удивляться, что неправильно трактуется ответ?

Так что рукописи править можно. А вот как сделать, чтобы глупые мысли в голову не лезли, а все больше умные? Или хотя бы оригинальные?

Ум и логика

Многие богословы и мистики отводят человеческому уму незначительное место. Однако он существует, а Кант даже утвердил априорный характер логики, стало быть, определенная роль этим предметам предначертана.

Что касается ограниченности области применения ума, и особенно логики, - она торжественно провозглашается представителями поэзии в широком смысле ("лириками"). И действительно, пытаясь логически анализировать душевные состояния людей, мы часто вынуждены довольствоваться грубыми схемами, которые явно неадекватны.

Примечательно, однако, что подобная ситуация распространена, в особенности если иметь в виду материальность мысли, то есть ее способность непосредственно воздействовать на феноменальный (наблюдаемый) мир. Характерно, что материалист Фрейд сформулировал аналогичный вывод в результате многолетнего изучения неврозов навязчивости. Он пишет, что навязчивая идея, находясь глубоко в подсознании, ведет себя так, как будто она существует реально. Совершенно естественно, что такая *грубая* сила, которая в состоянии изменять даже материальный мир, не может служить *тонким* инструментом исследования тайных состояний души, высшего религиозного познания и т. п.

С другой стороны, археологические раскопки ведутся сначала бульдозером, затем лопатой и только потом уже кисточками. Археолог, вооруженный только кисточкой, рискует не найти ничего. Автор позволит себе сравнить логику с бульдозером, ум - с лопатой, а трансцендентные интуиции - с кисточкой.

Разумеется, человек высокого духовного уровня может пользоваться исключительно интуицией. Однако автор полагает, что если такой человек захочет, то и обычный ум будет к его услугам; а может быть, он был "умным" в предыдущем воплощении, и теперь осваивает иные инструменты.

Так что если не надеяться на свое высокое духовное начало, то начинать изучение объекта лучше с формально-логической схемы, потом следует содержательный анализ, то есть выявление всех видимых связей и структур, а уж только потом стоит добиваться мистического ощущения единства данного объекта и искать в нем Бога.

Предположим теперь, что мы дошли до такой стадии изучения объекта, что различные мысли о нем стали нас навещать. Как к ним относиться? Первая стадия характеризуется безумной любовью к *каждой* из пришедших (после долгого ожидания и бесплодных усилий) мыслей. Так смотрит начинающий художник на свою первую картину. Указанное чувство (любовь) означает, что мы на верном пути, то есть духовно (в данном случае - умственно) растем, но вовсе не означает, что появившаяся мысль правильная и умная. Скорее всего, эта мысль не только глупая, но еще и чужая, когда-то давно в процессе обучения услышанная, затем забытая, а теперь всплывшая в голове. Убедившись в этом обстоятельстве, продолжаем размышлять, соотнося появляющиеся мысли с тем, что нам уже известно, и стараясь вычленивать то новое, что в них содержится. Терпеливо дождавшись появления в самом деле оригинальной мысли (и сопутствующего мимолетного ощущения чистого счастья), мы пытаемся пристроить эту мысль в уже существующую систему наших представлений об объекте. При этом систему приходится перестраивать, менять систему связей и т. д. Получив новую систему представлений об объекте, полезно сравнить ее с предыдущей с двух точек зрения: какая модель адекватнее и какая более компактна, то есть больше соответствует бритве Оккама. При этом следует иметь в виду, что расширение модели допустимо лишь при одновременном значительном

увеличении ее адекватности. И скорее всего придется перебрать много оригинальных мыслей, пока не появится что-то путное.

Написанное выше является примером того, как можно использовать ум при работе с откровениями (в форме приходящих мыслей). Несколько сложнее обстоит дело с откровениями морального, этического и мировоззренческого характера. Но и здесь общий принцип тот же: не следует считать, что первая мысль, первое откровение - истинны. Скорее всего наша интерпретация неточна. Думайте, сопоставляйте вопрос с ответом (откровением) и стремитесь найти такую интерпретацию откровения, которая в наибольшей степени увеличивает ощущение единства и гармонии мира.

Жизнь как выбор

Обычно понятие творчества относят к небольшому числу занятий человека, к так называемым творческим профессиям: писатель, художник, ученый и т. д. Во всех остальных занятиях предполагается в лучшем случае элемент творчества. Однако творчество есть не что иное, как высший вид проявления свободы воли, и в этом смысле свойственно человеку в любой ситуации выбора. Творчество есть постоянное занятие всех людей: все *они живут*, то есть, проявляя свободу воли, творят свою судьбу. Вся разница в том, сколь часто, как и по каким поводам производится выбор.

Жизнь человека в основном состоит из рутинных, многократно повторяющихся одинаковых процессов (чистка зубов, поездка на работу и т. п.). Человек, совершая такие рутинные действия, может даже не включать в них работу сознания, что, конечно, экономит ему умственные усилия. Однако в это время он не живет, а существует, подобно механизму. Жизнь как творчество происходит тогда, когда человек прокладывает новые пути: учится, выбирает.

Учиться и совершать выбор для человека трудно, неприятно и нередко ведет к стрессам. Это известно давно. Однако даже для того чтобы просто поддерживать существование, и учиться, и выбирать в какой-то мере необходимо. Можно, конечно, стремиться максимально свести свою жизнь к рутинным действиям. Это путь И. Обломова; для него, однако, требуется определенная материальная обеспеченность. И поскольку для нас этот путь недоступен, попытаемся разобраться в том, почему же *выбирать* так трудно и неприятно.

Неприятно потому, что трудно. Но не только поэтому. Неприятность заключается еще и в том, что человек ощущает ответственность за свой выбор и при этом неуверенность в нем. Каков же выход? Надо переложить тяжесть решения на других. Можно на близких, но лучше на Бога. Голос Бога звучит, как известно, в нашей душе, и мы прислушиваемся к внутренним голосам. Но увы! Их несколько, каждый взволнованно говорит что-то свое, а *одного*, того самого, спокойного, тихого и уверенного голоса, который скажет, как надо - не слышно. И ничего удивительного в этом нет. Не имея привычки внимательно слушать внутренние голоса, как же разобраться в их хоре, заставить замолчать громкие и лживые и услышать настоящий, голос Бога?

Если мы хотим научиться слышать голос Бога, мы можем научиться слышать его всегда, во всех ситуациях выбора (например, куда ехать в отпуск). Надо только помнить, что Бог воспринимает каждый наш выбор в рамках судьбы всего мира. Каждый наш поступок есть штрих в картине мира и соответственно увеличивает или уменьшает ее гармонию. А чтобы это понять, следует отойти от той детали общей картины, которую представляет

собой данный эпизод нашей жизни, и взглянуть на картину в целом. Качество детали и штриха будет виднее.

Тут следует заметить, что логика утверждений "что было, то быльем поросло" и "добрые дела заглаживают дурные поступки" не соответствует действительности. Гармоничность мира следует понимать в динамике, а не в статике, то есть мир следует рассматривать как процесс, и не судить о нем по его конечному состоянию. Человек должен стремиться сделать тот максимум, на который он способен при данном духовном уровне; а его более низкие проявления ничем не могут быть заглажены и навсегда остаются пачкать картину мира.

Природа творчества

Человек творит, когда он в ситуации выбора задает Богу вопрос, получает ответ, а затем осуществляет выбор. Качество творчества зависит от умения задать вопрос и интерпретировать ответ. Для того чтобы научиться этому, есть только один способ: постоянно этим заниматься. Это трудно, поскольку требует концентрации внимания, с одной стороны, и постоянной его перестройки, с другой. Если один и тот же вопрос задавать дважды, это уже не творчество. Правильная интерпретация ответов есть также занятие с подводными камнями. Во-первых, приходится постоянно менять свою систему представлений о мире и его отдельных фрагментах, что трудно ментально и тяжело морально, и, во-вторых, если речь заходит о проблемах нравственных, можно услышать такую истину о себе, вместить которую не всякому под силу... Однако необходимо - иначе прерывается связь и голос Бога умолкает.

На уровне художественного творчества неприятности как будто отсутствуют, или, во всяком случае, они другого сорта. Во-первых, бывают творческие личности, которые, по-видимому, творят без мук (Пушкин, Моцарт). Во-вторых, все-таки о муках творчества не говорят так, как о муках совести или физических страданиях; никому не придет в голову серьезно жалеть такого человека.

Творчество включает в себя два основных момента: концентрацию внимания в данном направлении и выбор самого направления. Если сравнить внимание с прожектором, высвечивающим предмет вдохновения в тонком мире, то художник сначала выбирает направление прожектора, а затем фокусирует его. Фокусировка - это концентрация. Чем выше концентрация внимания, тем ярче освещен объект, и тем больше информации получает творец; поэту, к примеру, приходит в голову не рифма, а сразу четверостишие. После этого опять необходимо перестроить прожектор внимания: направить на новое место и сфокусировать. Здесь, в момент выбора нового направления внимания, и нужно проявить свободу воли. Конечно, оно не совсем произвольно, Бог подсказывает нам некоторые вероятные варианты, но все же окончательный выбор лежит на человеке.

Теперь о муках творчества. Они связаны с неумением выбирать направление внимания и, главное, концентрироваться. Чем меньше освещен объект, вследствие плохой фокусировки прожектора, тем меньше информации о нем мы получаем, и тем более расплывчаты указания сверху о дальнейших перспективных положениях прожектора, необходимых для последующего освещения объекта с целью получения о нем нужной информации. А ошибки приводят к освещению *других* объектов, и на портрете к мужскому носу рисуются женские губы.

Однако и человеку, который умеет хорошо концентрироваться, приходится осуществлять выбор, хотя и с меньшим числом вариантов. И здесь его подстерегает большая опасность,

связанная с тем, что временами необходимо сильно менять направление прожектора (например, менять профессию или полностью перестраивать мировосприятие). Это очень трудно, в частности, потому, что в новой области приходится заново много учиться, и, в первую очередь, фокусировке. Понятно, решиться на такой выбор трудно, даже если есть ощущение, что он необходим. Можно, конечно, и не менять направление прожектора или направлять его в область мира сего, и стать исписавшимся, но членом Союза писателей или академиком живописи.

Творчество жизни

Аналогичная ситуация возникает в повседневной жизни всегда, когда необходим выбор. Специфика же здесь в том, что объектом творчества является наша жизнь, а на самом деле - судьба мира. Поэтому следует смотреть на все ситуации выбора именно с этой точки зрения, не локализуя последствия данного конкретного выбора, то есть не считая его ограниченным пространственно-временным эпизодом. На наш выбор влияют самые разнообразные силы: желания подсознания, часто закамуфлированные, воздействия различных людей и групп, цензура внутреннего долга и многое другое. Поэтому разобраться в полифонии внутренних голосов (сильно отдающей какофонией) нелегко. Однако именно это является главной задачей человека. Сконцентрировав свое внимание на звучащих внутри голосах, можно скоро обнаружить, что каждый из них чем-то выдает свое происхождение; например, как бы подсознание не камуфлировало эгоистические желания, они легко распознаются по своему конечному результату. Значительно сложнее обстоит дело с голосами, которые почти или совсем не звучат. Их следует вызывать из небытия, приглушая остальные и концентрируя внимание на них при их малейшем появлении. Один из первых признаков правильности выбранного духовного пути - уменьшение какофонии и согласование внутренних голосов, при граничном условии внутренней честности (можно жить в мире со своей совестью, заглушив ее, но тогда придется себе много лгать).

И вот, мы начинаем слышать голос Бога. Для того чтобы правильно его интерпретировать, следует иметь в виду, что Бог рассматривает наш выбор с точки зрения судьбы мира, так что Его мнение может не согласовываться с нашими сиюминутными устремлениями. Но даже позиция "Знаю и одобряю лучшее, а следую худшему" лучше, чем полное забвение "лучшего". Если человек просто думает о "лучшем" (и при этом не лжет самому себе), он становится лучше.

Теперь об афоризме "Все, что делается истинно, делается легко". Смысл его в том, что основные трудные для человека виды деятельности - выбор направления внимания и его концентрация - при правильном их выполнении требуют значительных энергетических затрат, которые, однако, полностью окупаются за счет творческого подъема. Удовлетворение от правильно выбранного решения приходит сразу, часто еще до того, как человеку становится ясно, к каким последствиям привел его выбор. Так фраза "Но все-таки я считаю, что поступил правильно" часто говорится с внутренним ощущением того, что гармония мира была увеличена, несмотря на ущерб эго, или низшего "я"; при этом первое ощущение приходит сразу после выбора, а второе - позднее.

Ощущение энергетической недостаточности нередко означает плохую концентрацию или неправильное направление внимания, происшедшее вследствие неверного выбора. Так у человека портится настроение и скребут на душе кошки после необдуманного поступка, даже не приведшего к плохим последствиям.

Обучение

Обучение - самый трудный вид деятельности для человека. Обучение - это процесс настройки прожектора внимания и выбора его точного направления, когда общее направление уже имеется. Это *то*, что поэты и музыканты называют умением слышать, а художники - видеть (философы, к сожалению, специального слова не имеют). Существенно, что для фокусировки прожектора в данном направлении недостаточно просто уметь концентрировать внимание, хотя это и очень важно; всякая область имеет свою специфику, и обучение всякому виду деятельности идет по-своему.

Таким образом, трудности обучения в принципе те же, что и трудности творчества; разница только в степени фокусировки прожектора и, следовательно, яркости освещения объекта (и, соответственно, интенсивности творческого подъема).

Законы творчества

Настоящий художник учится всю жизнь. *Первый закон творчества* - это постоянная смена объекта внимания. На объект, увиденный один раз, нельзя смотреть во второй - это называется банальностью. *Второй закон творчества* заключается в том, что чем выше степень концентрации на объекте, тем яснее варианты следующего выбора. Это не значит, что совершать выбор легче, однако трудность меняет свой характер. *Третий закон творчества* заключается в том, что чем больше следующее направление внимания отличается от предыдущего, тем меньше начальная степень концентрации внимания и тем труднее его фокусировать до прежнего уровня настройки. Однако время от времени все же необходимо сильно менять направление внимания и начинать учиться заново. Когда же? Это зависит от общей способности к концентрации. Поскольку она ограничена, наступает момент, когда дальнейшие попытки фокусировки не приводят к увеличению освещенности объекта. Это и есть знак того, что пора переключиться на другой объект. Иначе получаются "замученные" картины или стихи.

Все вышесказанное относится, разумеется, не только к творчеству в узком смысле, но и ко всей жизни человека в целом. В этом случае объектом творчества служат судьбы человека и мира, рассматриваемые как процессы, где прошедшее и будущее в равной мере важны, вопреки распространенной точке зрения, которая склонна считать важным в человеческой жизни лишь конечный результат (то есть *то*, чего человек добивается). Резюмируя, можно сказать, что для человека жизнь есть постоянное обучение и творчество. Разница между "творческим" и "нетворческим" отношением к своей жизни и труду количественная, а не качественная, и заключается в степени концентрации внимания и правильности выбора.

Объект творчества

Процесс творчества можно рассматривать как перевод некоторого объекта из Хаоса в Космос, путем его освещения прожектором внимания. Набор направлений, с которых объект был освещен, определяется личной свободой творца; и именно в этом причина того, что любой объект творчества неповторим.

Более того, по мере освещения объект творчества оживает, так как живым является все в Космосе. Можно условно выделить три основные стадии творчества. На первой стадии оживший объект начинает оказывать сопротивление воле творца (писатели говорят, что их герои начинают "жить собственной жизнью"). На второй стадии объект требует воплощения, беспокоит создателя, заставляя его окончить свою работу. Наконец, на третьей стадии уже воплощенный объект начинает оказывать вполне реальное влияние на всю жизнь Вселенной.

Свобода воли

Свобода воли есть главное свойство всего живого. Крайним отрицанием свободы воли является детерминизм Лапласа, который утверждает, что, зная координаты и скорости всех материальных тел в некоторый момент времени, можно точно предсказать состояние Вселенной в будущем. Удивительным (и очень поучительным) является то обстоятельство, что, противореча таким образом основному закону Вселенной (закону творчества), детерминизм Лапласа с хорошим приближением описывает значительную часть процессов в ней (движение макроскопических "неодушевленных" тел).

Более внимательный анализ ситуации в микромире показывает (квантовая механика), что предсказать точное поведение, например, электрона, нельзя. Более адекватным является представление об "электронном облаке", в пределах которого "размазан" электрон, оказывающийся при наблюдениях с определенными вероятностями в различных частях этого облака. Конечно, жесткое распределение вероятностей дальнейшей судьбы является определенным ограничением свободы воли, но все же гораздо лучше лапласовского детерминизма. Впрочем, трудности современной физики показывают, что и с электроном не все так просто, и, вероятно, в следующей модели, которая продолжит квантовую механику, электрону будет предоставлена еще *большая* свобода воли.

"Свобода воли у растений и животных связана с инстинктом и употребляется для выживания; все их действия запрограммированы" - подобная точка зрения, оставляющая свободу воли только человеку, весьма распространена. Однако, если отвлечься от привычного антропоцентризма, то следует признать, что у каждого животного и растения есть своя индивидуальность, неповторимость, а выбор, который оно постоянно совершает, диктуется не только внешними силами и заложенными эволюцией рефлексам, но и чем-то личным и притом не связанным с борьбой за существование данного животного или его вида.

Аналогично, у человека выбор в любой ситуации определяется не только борьбой за существование. "Не хлебом единым жив человек, но словом Божьим". "Божье слово" - это как раз творчество.

Человек, как и все живое, использует свободу воли в двух основных направлениях - выживание и привнесение в мир гармонии (разумеется, это разделение условно, так как выживание само по себе противоположно смерти, то есть хаосу). Инстинктивное стремление к гармонии свойственно всему живому, но с проявлением Духа в человеке последний начинает указанное стремление осознавать, и тогда он может сознательно направлять свой выбор к этой цели. При этом проявления свободы воли начинают несколько менять свой характер, так что в языке даже появляется специальное слово: творчество.

По мере духовного роста человек все более отчетливо видит в каждом конкретном случае возможные последствия своего выбора в рамках не только личной судьбы, но и судьбы мира (впрочем, для него эти понятия постепенно сближаются). При этом, если варианты выбора и их последствия суть информация, представляемая Богом, то оценка этих последствий и собственно выбор уже определяются неповторимой индивидуальностью данного человека. По мере духовного роста улучшается и возможность оценки последствий выбора: человек все больше воспринимает мир как целое и все лучше оценивает влияние своих поступков на судьбу мира. Однако критерии гармоничности у каждого человека индивидуальны, хотя и согласованы в целом общим замыслом Творца, давшего каждому живому существу частичку Себя.

И именно с индивидуальными особенностями эстетического восприятия связана сама возможность индивидуального творчества, то есть *своего* вклада в процесс Бого-человеческого общения, выражающегося в творчестве.

Эстетический критерий

По сути дела эстетический критерий является основным при любом выборе, но на низших уровнях развития он несовершенен и остается неосознанным. Несовершенство эстетического критерия связано с узостью сознания (см. ниже гл. 3). Человек начинает с личного эгоизма (концентрация внимания на эго), затем постепенно включает в свое сущностное сознание интересы семьи, группы, нации и т. д. Стремление к гармонизации личности, когда круг внимания ограничен эго, приводит к чистому эгоизму в различных вариантах, обычно сводящих жизнь к тому или иному виду потребления, предметного или культурного, обычно с основной целью получения удовольствия.

С ростом духовного уровня неосознанный эгоистический критерий сменяется осознанным и затем моральным, с одновременным расширением сознания: моральный критерий предполагает включение в сферу восприятия других людей. Затем моральных критериев начинает не хватать и остаются чисто эстетические, которые к этому времени выходят в сознание: слова "хорошо" и "правильно" начинают заменяться словом "красиво".

Степень сознательности выбора растет вместе с духовностью. Не следует заблуждаться по поводу сознательности отдельных несущественных выборов (особенно в обыденной жизни). На низком духовном уровне выбор в существенных для духовного роста ситуациях происходит *неосознанно*, под действием инстинкта и внешних сил. Кажущиеся самостоятельность и осознанность выбора есть камуфляж подсознания. Конечно, человек совершил выбор сам, но фактически им управляли силы подсознания, которое воспользовалось приемом маскировки. Человеку кажется, что выбор осуществляется сознательно, но сознанием он лишь оценивает ближайшие последствия выбора и притом в несущественной области. В то же время инстинктивно он ощущает, что в иной сфере его выбор имеет другое, гораздо большее значение для будущего, и именно из подсознательной оценки вытекает его фактическое решение. Но для успокоения сознания подсознание ему подыгрывает, создавая видимость свободы выбора.

Вообще, рост внутренней честности есть существенный признак духовного развития.

С духовным ростом меняется и характер трудностей в ситуации выбора. Категории ограничительного свойства (долг, совесть) сменяются эстетическим критерием, свойственным творчеству в его обычном понимании. Человек начинает стремиться *жить красиво* в истинном смысле этих слов - он *творит свою жизнь*.

Постепенно исчезает самый неприятный момент в ситуации выбора, когда человек не знает, чего хочет, точнее говоря, его разрывают противоположные стремления и он не может оценить последствий выбора. Уменьшение какофонии хора внутренних голосов и желаний тесно связано с духовным ростом вообще и восприятием гармонии мира в частности.

Известное ощущение безысходности и богооставленности в ситуациях экзистенциального выбора, типа того, который описывает храбрый солдат Швейк ("а потом вам предлагают четвертование или сожжение на костре по вашему выбору"), связано с сужением восприятия до чисто эгоистических интересов или, более общим образом, с невозможностью на своем уровне мировосприятия вписать свой личный выбор в судьбу

мира. В некотором смысле каждый человек заслуживает свои страдания, то есть его страдания соответствуют его духовному уровню (здесь автор имеет в виду характер, а не интенсивность страданий). Так мы иногда не в силах серьезно отнестись к вполне реальным (и даже значительным) страданиям несчастной любви четырнадцатилетней девочки.

Глава 3. Добро и зло

Теодицея

Вивекананда пишет, что Рамакришна к концу жизни достиг такого духовного уровня, что вообще перестал видеть в мире зло и видел одно добро. (Веданта говорит, что всякий человек видит зла в мире не больше, чем есть в нем самом.) Читателя, надо думать, покоробят такие слова. А как же, скажет он, концентрационные лагеря и пуля дум-дум? Неужто это тоже добро?

Проблема теодицеи, то есть оправдания Бога, попустительствующего злу на Земле, стоит давно. Опуская исторический обзор, отметим следующее. Прежде всего, сама постановка вопроса предполагает личного, то есть антропоморфного Бога, который оценивает добро и зло приблизительно так же, как и мы. В то же время ясно, что зло не с человеком появилось, а присутствовало в эволюции всегда (см. гравюру Брейгеля "Большие рыбы пожирают маленьких"). Особое отношение к специфически человеческому злу связано с наивным антропоцентрическим представлением о человеке как о "венце творения". Тогда, действительно, Бог несет повышенную ответственность за несовершенство человека и зло ему присущее. Попытаемся, однако, встать на более объективную точку зрения.

Проблема зла (к сожалению) сильно эмоционально окрашена. "Непримиримая ненависть ко злу" и "страстное желание добра", с одной стороны, сильно затрудняют объективное изучение вопроса, а с другой - заставляют предположить определенный невроз, как в личном, так и в общественном сознании. О причинах этого невроза нетрудно догадаться даже без помощи Фрейда и Юнга. Она заключается в том, что зло есть символ угрозы существованию - особи и вида. И чем дальше от нас, тем более объективной становится наша точка зрения, заметно при этом видоизменяясь.

Субъективно наибольшее мировое зло - это сокращение штатов предприятия, на котором я работаю. Далее следуют хулиганы в микрорайоне, угроза атомной войны, склочные настроения жены, грядущая старость, предательство друга, текущая болезнь и т. д. Но по мере удаления от проблем человеческого рода огорчения по поводу зла быстро уменьшаются: тигр, пожирающий козленка, вызывает, в худшем случае, легкий укор; всем ясно, что ему вроде так "положено". (Интересно, а козленку "положено" быть съеденным тигром? Или умереть от старости, то есть от болезней, или быть съеденным внутренними паразитами? Как насчет "зла"?) И уж совсем не вызывает осуждения лиана, вьющаяся вокруг другого дерева и медленно удушающая его. А о космических катастрофах, когда погибают целые звезды и образуются черные дыры, никому даже не приходит в голову говорить в моральных терминах.

Однако если смотреть на жизнь с эволюционной точки зрения и считать злом увеличение энтропии, а добром - эволюцию и усложнение существующих систем (с точки зрения кибернетики), то именно гравитационный коллапс (то есть образование черной дыры) следует считать наибольшим злом, так как он приводит к максимальной утрате

информации (из черной дыры ее вообще не поступает, оттуда не выходит ни один луч света), то есть, по определению, к увеличению энтропии.

Да и вообще, считать, что система, порождающая более высоко организованные объекты за счет гибели менее высоко организованных, движима добром или движется к добру, неестественно.

Так вот она, гармония природы,
 Так вот они, ночные голоса!
 Так вот о чем шумят во мраке воды,
 О чем, вздыхая, шепчутся леса!
 Лодейников прислушался. Над садом
 Шел смутный шепот тысячи смертей.
 Природа, обернувшаяся адом,
 Свои дела вершила без затей.
 Жук ел траву, жука клевала птица,
 Хорек пил мозг из птичьей головы,
 И страхом перекошенные лица
 Ночных существ смотрели из травы.
Н. Заболоцкий

Следует или признать, что князь мира сего - сатана, или что Божественное понимание добра и зла отличается от нашего.

Воздействие на мир

Имеется, впрочем, одно существенное обстоятельство. Сами понятия добра и зла даны человеку в двух противоположных аспектах. Первый, свойственный всем живым существам, - это воздействие мира на субъект. Добро - это *то*, что помогает выжить особи или виду - солнце, еда, самка; зло - это *то*, что мешает выживанию. Второй аспект уже требует самопознания. Это - оценка своего воздействия на мир. Способность человека членить свою жизнь на поступки и оценивать их с моральной точки зрения по отношению к различным частям внешнего мира, несомненно, является врожденной. Воспитание, конечно, влияет на критерии оценки, но сама способность явно дана свыше. Это означает, что у человека имеется интуитивное представление о том, что для мира хорошо, а что - плохо. Разумеется, это представление сильно зависит от того, насколько хорошо человек воспринимает внешний мир и, кроме того, сильно искажается общественным воспитанием, преследующим узкую цель сохранения вида, и эгоизмом. Однако, по-видимому, ощущения добра и зла во втором аспекте предназначены для *ориентации* человека в мире. Индивидуальное зло тогда есть ощущение того, что человек отягощает мировую карму. Понятие мирового зла получается переносом индивидуального зла на антропоморфного Бога. Однако джнани-йога рассматривает в качестве первопричины эволюционирующей Вселенной безличный Абсолют (включающий личного Бога как часть), и поэтому задаваться вопросами типа "зачем Бог создал Вселенную" и "почему Он создал ее так, а не иначе" бессмысленно, так как эти вопросы предполагают человеческую логику Создателя. Можно, однако, задаваться вопросом, какую роль играет то или иное явление. В частности, добро и зло имеют, таким образом, двоякую функцию: будучи оценками воздействия мира на субъект, они дают ему возможность сохранить существование, а будучи оценками участия субъекта в мире, ориентируют его в мировой карме.

Сознание и зло

Выше (гл. 2) уже отмечалось, что, сознательно или подсознательно, критерий выбора всегда эстетический. Человек гармонизирует ту часть мира, которая доступна его сознанию, точнее говоря, сознанию его сердца. Так, эгоист, у которого сознание сердца сужено до пределов своего эго, стремится максимально заботиться о своем низшем "я"; националист думает только о судьбе своей нации; диктатор стремится создать максимально мощный и гибкий аппарат управления своими подданными, поскольку в его сердце помещается лишь одна идея: их полное повиновение. Однако зло возникает не от того, что сознание сужено, а вследствие того, что последнее не соответствует духовному уровню человека. Так, осознание своего "я", то есть отделение себя от мира, равно как и появление самосознания нации и организация человеческих коллективов были в свое время величайшими событиями в духовной жизни человечества. Если, однако, расширение сознания сердца тормозится, человек начинает создавать гармонию в слишком малой (по его карме!) части Вселенной, неизбежно уродуя при этом Вселенную как целое.

Существенно, что именно сознание сердца определяет, творит человек добро или зло. Если эгоист решит (например, под влиянием авторитетного для него лица), что ему необходимо проявить заботу об окружающих, то это означает, что расширилось его ментальное сознание, но не сознание сердца. И если он действительно начнет действовать в духе бескорыстной помощи, он скоро почувствует, что ему противно, что он лицемерит и все равно (непонятно почему) совершает зло, ничего хорошего у него не получается. Иначе быть и не могло. Для того чтобы бескорыстно заботиться о каких-то людях, необходимо расширить сознание сердца, включив их в эту сферу. Сделать это ментальным усилием или по воле эго невозможно. В равной мере никакие чисто ментальные усилия со стороны других людей и вообще "горизонтальные" обмены (то есть взаимодействия без духовной цели) не могут расширить сознание сердца.

То же можно сказать и об отношениях творчества и зла. Если сознание человека сужено относительно его духовного уровня, он неизбежно творит зло. Плохие картины, неудачные романы, мелкая философия выкидываются человечеством за борт, но отравляют океан Бытия: их ядовитые испарения оказывают влияние на всю историю мира.

Эволюция взглядов

Рассмотрим теперь эволюцию взглядов на добро и зло в процессе духовного роста. Здесь наблюдаются две тенденции. Первая из них заключается в том, что человек начинает воспринимать близко к сердцу все больший круг объектов, и для него становится все важнее определять свое нравственное отношение к ним. Вторая тенденция заключается в том, что эмоциональное отношение к своему и чужому добру и злу постепенно уходит, мир видится все более цельным и гармоничным, а добро и зло выступают как различные варианты одного пути кармы (зло - более окольный путь). Бердяев проводит мысль о необходимости зла для осуществления свободы воли; а свобода воли как раз и употребляется для выбора *своего* варианта личной кармы.

(Автору не очень легко писать эти строки сейчас, в 1984 году, когда сгущаются темные силы вокруг Земли, и само существование земного человечества через двадцать лет весьма проблематично. Однако и у тупиковой ветви эволюции могут обнаружиться объективность и честность, а анализ "изнутри" сильного эсхатологического ощущения - ожидания скорого конца света - представляется очень важным для Космоса. Здесь автору опять вспоминается одна из главных мыслей Бердяева, что Бог ждет творческого импульса человека, и особенно в такие минуты.)

Вивекананда сравнивает зло с железной цепью, а добро - с золотой, и рекомендует отбросить сначала железную цепь, а потом и золотую и быть свободным. Это можно трактовать следующим образом. Сначала человек борется со злом в себе, то есть стремится не совершать таких поступков, которые по его внутреннему ощущению приносят вред объекту. На следующей ступени он стремится делать добро, то есть совершать те поступки, которые, опять-таки по его внутреннему ощущению, приносят пользу объекту. При дальнейшем росте он постепенно обнаруживает, что его внутренние критерии добра и зла начинают плыть. Оказывается, что любой поступок влечет множество последствий, частью дурных, частью хороших, а частью таких, что он не может их оценить. Много из того, что раньше представлялось ему несомненным добром, равно как и несомненным злом, становится проблематичным, а внутренний голос молчит. Однако мир представляется все более наполненным внутренним смыслом, и каждый поступок получает все более отчетливую внутреннюю оценку такого рода: ведет он к увеличению мировой гармонии или нет. Это и становится критерием выбора, и человек оказывается "по ту сторону" добра и зла.

Здесь автор считает необходимым еще раз отметить, что в этом трактате обсуждаются *признаки* духовного развития и что указанные явления происходят *сами по себе*. Непосредственно к ним стремиться нельзя: это приводит к отягощению кармы. Так, легко себе представить, что произойдет с человеком, который раньше времени волевым усилием поставит себя "по ту сторону" добра и зла и будет ориентироваться на внутренний голос без учета ограничений внутренней цензуры (в виде совести, долга и т. п.): он быстро придет к чистому эгоизму и жестокости, поскольку его внутренний голос является (на его уровне), главным образом, рупором низших желаний подсознания.

Глава 4. Голоса

Человек в момент принятия решения испытывает различные давления: он чувствует разнообразные желания и слышит внутреннюю речь; автору удобно в последнем случае говорить о внутренних голосах. Эти голоса обладают замечательным свойством: они полуправляемы человеком, то есть он усилием воли может регулировать (в определенных пределах) их громкость. Эти пределы, в свою очередь поддаются регулировке; например, систематическими упражнениями можно заставить совершенно замолчать голос совести.

Когда в человеке одновременно звучит несколько голосов, которые хотят от него разных вещей, он испытывает очень неприятные чувства и вынужден идти на поводу у одного из них к ущербу для всех остальных. Чтобы облегчить себе решение, человек обычно усиливает предварительно один из голосов и приглушает остальные. Если этот усиливаемый голос (или тип желаний) всегда один и тот же, получается, например, человек долга, отзывчивый человек, деловой человек и т. д. Всех таких людей отличает одна общая черта: проблема выбора для них сильно облегчена. И за это приходится платить, потому что именно выбор есть главная (и самая трудная) работа человека. И избегая ее, человек долга сталкивается с понятием ложно понятого долга, отзывчивый человек с горечью вспоминает тезис "никакое доброе дело не остается безнаказанным", деловой человек... о нем читатель подумает сам.

На невысоком духовном уровне проблема выбора трудна и очень неприятна; человеку даже иногда кажется, что Бог в этот момент от него отворачивается: советы советами, а решать-то надо самому! Но все же человек может не только испуганно озираться при виде действительности (внешней и внутренней): он может попробовать в ней разобраться.

С. Е. Лец говорит, что раздвоение личности - это тяжелый случай психической болезни, когда из бесконечного множества личностей, населяющих любого человека, остается только две. С конца XIX века, после работ Фрейда и романов Достоевского, стало общеизвестно, что внутри человека действует несколько сил, находящихся в постоянной борьбе. Однако обычно человек не относит этого обстоятельства к себе, постоянно используя местоимение "я" как единый нечленимый объект, хотя первые же попытки разобраться во внутренних голосах показывают, что это не так. С внутренними голосами все обстоит очень непросто, и для того чтобы научиться их отличать, нужно многое.

Лень и усталость

Прежде всего, имеется внутренний голос, побуждающий нас исполнять различные желания подсознания (то, что называется "наши желания"). Основным желанием подсознания большинства людей в настоящее время является желание ничего не делать, то есть лень. Это связано с сильной перегрузкой человека ложной, несвойственной ему деятельностью и ускорением темпа жизни. Основным законом общения с тонким миром - это концентрация и замедление личного времени. Тогда человек легко получает нужные ему откровения и не устает. Символ современной жизни - это мелькание кадров цветного телевизора, калейдоскоп майи.

Соответственно каждый импульс к действию прежде всего проходит цензуру подсознания в этом аспекте, и многие мысли бескорыстной помощи ближнему, самосовершенствования и т. п. даже не попадают в сознание. Причиной этого является, таким образом, не аморальность, а простая экономия сил усталого организма. Принцип "я тебе - ты мне" становится необходимым условием поддержания существования. При попытке же внедрить в него идеи бескорыстной помощи другим, человек дает инстинктивную реакцию отторжения и злобы, совершенно, заметим, адекватную с биологической точки зрения: у организма хотят отнять немногие оставшиеся силы и тем самым его убить.

Более того, человек устает до такой степени, что вообще перестает прислушиваться к внутренним голосам, он полностью отдается гипнозу внешнего мира, майи, то есть иллюзии; возникает то, что ныне называют "человек-машина".